

МОУ «Лазурненская СОШ»

Отражение темы коллективизации в литературе

Выполнили: Удалова Мария
Злыденная Татьяна
Руководитель: Максимова Л.А.

«Стоит ли бывшее вспоминать,
Брать его в дорогу, в дальний путь?
Все равно упавших не поднять,
Все равно ушедших не вернуть,
И сказала память: «Я могу
Все забыть, но нищим станешь ты.
Я твои богатства стерегу
Я тебя храню от слепоты».
В трудный час на перепутьях лет,
На подмогу совести своей
Мы зовем бывшее насовсем,
Мы зовем из прошлого друзей.
И друзья, чьи отлетели дни,
Слышат зов – и покидают ночь.
Мы им не поможем, - но они
К нам приходят, чтобы нам помочь»

Вадим Шефнер

«деревенская» проза

- Понятие «деревенская» проза появилось в начале 60-х годов. Это одно из наиболее плодотворных направлений в нашей отечественной литературе. Оно представлено многими самобытными произведениями: «Владимирские проселки» и «Капля росы» Владимира Солоухина, «Привычное дело» и «Плотницкие рассказы» Василия Белова, «Матренин двор» Александра Солженицына, «Последний поклон» Виктора Астафьева, рассказы Василия Шукшина, Евгения Носова, повести Валентина Распутина и Владимира Тендрякова, романы Федора Абрамова и Бориса Можаева. В литературу пришли сыновья крестьян, каждый из них мог сказать о себе те самые слова, которые написал в рассказе «Угощаю рябиной» поэт Александр Яшин: *«Я есть сын крестьянина... Меня касается все, что делается на этой земле, на которой я не одну тропку босыми пятками выбил; на полях, которые еще плугом пахал, на пожнях, которые исходил с косой и где метал сено в стога».*

□ «Я горжусь тем, что я вышел из деревни», — говорил Ф. Абрамов. Ему вторил В. Распутин: «Я вырос в деревне. Она меня вскормила, и рассказать о ней — моя обязанность». Отвечая на вопрос, почему он пишет в основном о деревенских людях, В. Шукшин сказал: «Я не мог ни о чем рассказывать, зная деревню... Я был здесь смел, я был здесь сколько возможно самостоятелен». С. Залыгин в «Интервью у самого себя» писал: «Я чувствую корни своей нации именно там — в деревне, в пашне, в хлебе самом насущном. Видимо, наше поколение — последнее, которое своими глазами видело тот тысячелетний уклад, из которого мы вышли без малого все и каждый. Если мы не скажем о нем и его решительной переделке в течение короткого срока — кто же скажет?»

- Деревня представилась Шукшину, Распутину, Белову, Астафьеву, Абрамову воплощением традиций народной жизни — нравственных, бытовых, эстетических. В их книгах заметна потребность окинуть взглядом все, что связано с этими традициями, и то, что их ломало.
- «Привычное дело» — так названа одна из повестей В. Белова. Этими словами можно определить внутреннюю тему многих произведений о деревне: жизнь как труд, жизнь в труде — привычное дело. Писатели рисуют традиционные ритмы крестьянских работ, семейные заботы и тревоги, будни и праздники.

□ Писатели тонко чувствуют глубинную культуру народа. Осмысляя его духовный опыт, В. Белов подчеркивает в книге «Лад»: «Работать красиво не только легче, но и приятнее. Талант и труд неразрывны». И еще: «Для души, для памяти нужно было построить дом с резьбою, либо храм на горе, либо сплести такое кружево, от которого дух захватит и загорятся глаза у далекой праправнучки.

Потому что не хлебом единым жив человек».

Эту истину исповедуют лучшие герои Белова и Распутина, Шукшина и Астафьева, Можяева и Абрамова.

- В произведениях «Кануны» В. Белова, «Мужики и бабы» Б. Можаяева нужно отметить и картины жестокого разорения деревни во время коллективизации
- Писатели показали несовершенство, неустроенность повседневной жизни героев, несправедливость, чинимую над ними, их полную беззащитность, что не могло не привести к вымиранию русской деревни. «Тут ни убавить, ни прибавить. Так это было на земле», — скажет об этом А. Твардовский.

- Читаем тяжелое размышление Бориса Екимова «На распутье» со страшными прогнозами: *«Нищие колхозы проедают уже завтрашний и послезавтрашний день, обрекая на еще большую нищету тех, кто будет жить на этой земле после них... Деградация крестьянина страшнее деградации почвы. А она — налицо».*
- Подобные явления позволили говорить о «России, которую мы потеряли». Вот и «деревенская» проза, начавшаяся с поэтизации детства и природы, кончилась сознанием великой утраты. Не случаен же мотив «прощания», «последнего поклона», отраженный и в названиях произведений («Прощание с Матерой», «Последний срок» В. Распутина, «Последний поклон» В. Астафьева, «Последняя страда», «Последний старик деревни» Ф. Абрамова), и в главных сюжетных ситуациях произведений, и предчувствиях героев. Ф. Абрамов нередко говорил, что Россия прощается с деревней как с матерью.

«Год великого перелома»

- «Год великого перелома» — под таким названием вошла в историю пора «сплошной коллективизации»; она захватила 1929—1930 годы. В литературе это историческое явление отражено широко. Это и понятно: большое, переломное событие всегда находит свое многоаспектное освещение. В 30-е годы вышли такие произведения, как «Поднятая целина» М. Шолохова, «Страна Муравия» А. Твардовского, были написаны повести А. Платонова «Котлован», «Впрок». В 60—80-е годы были опубликованы такие книги, как «На Иртыше» С. Залыгина, «Мужики и бабы» Б. Можаяева, «Кануны» и «Год великого перелома» В. Белова, «Овраги» С. Антонова, «Касьян Остудный» И. Акулова, «Перелом» Н. Скромного, «Кончина», «Пара гнедых», «Хлеб для собаки» В. Тендрякова. Свое слово о коллективизации сказали В. Гроссман в романе «Жизнь и судьба», В. Быков в повестях «Знак беды», «Облава», А. Твардовский в поэме «По праву памяти», Ф. Абрамов в повести «Поездка в прошлое». Эти произведения составят основу обзорных занятий на тему «Год великого перелома» в литературе 60—80-х годов».

«Возродить в крестьянстве крестьянское!» —

так названа одна из статей В. Белова.

В очерке Б. Можаяева «Мужик» говорится:

«Пора уже понять простую истину — все начинается с земли, только она может дать несравнимую ни с чем — ни с нефтью, ни с золотом, ни с алмазами самую скорую прочную отдачу — богатство... Не бывает крепкой державы, земля которой не кормит свой народ... Мужик должен возродиться, если мы хотим жить в достатке и быть независимым государством. Мужик-кормилец. Не беспорточник, а работающий, преуспевающий — и работник и предприниматель. Хозяин...

А для того, чтобы он не только вернулся, но и утвердился, нам надо изменить всю систему землепользования, разобраться в том, что же произошло в 1929—1930 годах? Что же надо сделать для этого?

Для начала самую малость: признать сталинскую коллективизацию преступлением против народа».

□ Сплошную коллективизацию Б. Можаяев называет «трясучей лихоманкой — кулакоманией», «кромешным адом», «жестокой порой головотяпства», «вселенским геноцидом», который, уничтожив мужика, осиротил деревню и оставил землю беспризорной. С перегибов коллективизации и началось размывание нравственного чувства хозяина на земле, что постепенно обернулось разрушением духовного начала. Именно об этом писал Ф. Абрамов в открытом письме землякам «Чем живем-кормимся».

□ Произведения о коллективизации сильны не только своими картинами, но и своими мыслями. Писатели любят умных, думающих мужиков, к их мнению прислушиваются, дают им возможность высказаться на собраниях, в разговоре с близкими, на мужицких посиделках. Ключевой, проходящей через весь роман «Мужики и бабы» является мысль, высказанная Андреем Ивановичем Бородиным: «Не то беда, что колхозы создают, беда, что их делают не по-людски». В этих словах — весь узел проблем, рассматриваемых Б. Можаевым.

□ Каждый по-своему осмысливает тот разлад, который начался с коллективизации, но ощущение безнадежности, безысходности сквозит в каждом высказывании. Главную опасность мужики видят в отчуждении их от земли. Острее всех это почувствовал Андрей Иванович Бородин:

«— Не то беда, что колхозы создают; беда, что делают их не по-людски, — усе скопом валят: инвентарь, семена, скотину на общие дворы сгоняют, всю, вплоть до курей... Все под общую гребенку чешут, все валят в кучу. Нет, так работать может только поденщик. А мужику, брат, конец приходит... Мужик — лицо самостоятельное. Хозяин! Мужик — значит, опора и надежда, хозяин, одним словом, человек сметливый, сильный, независимый в делах... За ним не надо приглядывать, его заставлять не надо. Он сам все сделает как следует. Вот какому мужику приходит конец. Придет на его место человек казенный...»

Устами героя выражено главное в авторской концепции: коллективизация — это раскрестьянивание, уничтожение мужика. Причем главный удар пришелся по «справному» мужику, по талантливым земледельцам.

□ Коллективизация должна была объединить людей, а она, как показали писатели, их разъединила. «Одни безумствуют, сеют ненависть, другие мечутся, страдают, прячутся», — с горечью отмечает Успенский. Эти наблюдения учителя из романа «Мужики и бабы» заставляют нас вспомнить, как в разоренном доме Клюева «сняли иконы вместе с божницами, раскололи в щепки и сожгли на глазах всего народа». Как спустя несколько дней с тихановской церкви сняли колокола, церковь переименовали в дурдом и потом открыли ссыпной пункт (гл. 7).

«Село затаилось в ожидании новых ударов и бедствий». И они пришли. Б. Можаяев рисует крестьянский двор в минуту разорения и горя — идет черед раскулачивания (гл. 11, 12). Сами сцены раскулачивания и выселения знакомы нам по роману «Поднятая целина», и как будто бы в их «драматургии» Б. Можаяев ничего не меняет. Он, как и Шолохов, идет от жизни. Тем не менее роман «Мужики и бабы» в этой своей части звучит трагичнее. Можаяев изображает то, что осталось за рамками «Поднятой целины»: он показывает, с каким размахом готовилось к операции районное начальство: заседания штаба по раскулачиванию, инструктаж представителя райкома, директивы и т. п.

Нельзя пройти мимо еще одного эпизода — выгоняют на улицу, ссылают семью участника гражданской войны, бывшего красноармейца Прокопа Алдоина (гл. 12). Мы видим, как проводят последнюю ночь в родном доме пятеро ребятишек, их мать, как пытались помешать им взять узелок с харчами, как неожиданно умер их отец («Одним классовым врагом стало меньше», — спокойно сказал по этому поводу Зенин), и мы поймем, что значит «раскулачивать без мерехлюндий». «И без пощады». С этими словами невольно связывается концовка романа В. Белова «Год великого перелома»: «...В полевой сумке Скачкова хранился толстый граненый карандаш фабрики имени Сакко и Ванцетти. Заостренный с обоих концов, карандаш этот вызывал у хозяина гордость и самоуважение, один конец был синий, другой красный. Разбирая районные списки и следственные дела арестованных недоимщиков, Скачков пользовался двумя концами. Отмеченные синим концом попадали во вторую категорию, красная птичка садилась напротив первой категории...

Жители деревни Ольховицы Данило Семенович Пачин и Гаврило Варфоломеевич Насонов, помеченные красными галочками, согласно девятому пункту, подлежали немедленному расстрелу».

□ «Не по-людски» начатая и проведенная, коллективизация обернулась для народа нашего тяжелейшей трагедией. Сколько жизней она унесла, сказать никто не может. Называют разные цифры, причем счет идет на миллионы. Рассказ В. Тендрякова «Пара гнедых» заканчивается документальной репликой: «Уинстон Черчилль в своей книге «Вторая мировая война» вспоминает о десяти пальцах Сталина, которые тот показал, отвечая ему на вопрос о цене коллективизации. Десять сталинских пальцев могли, видимо, означать десять миллионов раскулаченных — брошенных в тюрьмы, высланных на голодную смерть крестьян разного достатка, мужчин и женщин, стариков и детей».